

ГЛАВА 1 ТЕНЬ ПЕРЕМЕН

— «Прошла жатва, кончилось лето»¹, — процитировала Аня Ширли, мечтательно глядя на сжатые поля.

Вдвоем с Дианой Барри они собирали яблоки в саду Зеленых Мезонинов, а теперь присели отдохнуть от своих трудов в затененном солнцем тихом уголке, где воздушные стаи пушистых семечек чертополоха медленно проплывали мимо них на крыльях легкого ветерка, все еще по-летнему напоенного ароматом папоротников, растущих в Лесу Призраков.

Но все вокруг уже говорило об осени. В отдалении глухо рокотало море, поля, поросшие по краям золотарником, лежали обнаженные и сухие, долину, в которой бежал ручей, окрасил эфирный пурпур астр, а Озеро Сверкающих Вод казалось синим-синим, и это была не переменчивая синева весны, не бледная лазурь лета, но чистая, глубокая, невозмутимая синева — как будто вода оставила позади все свои капризы и вспышки чувств

¹ Библия, Книга Пророка Иеремии, гл. 8, стих 20.

и теперь, остепенившись, предалась покою, не нарушаемому пустыми мечтами.

— Хорошее было лето, — сказала Диана, с улыбкой крутя на пальце левой руки новенькое блестящее колечко. — И свадьба мисс Лаванды оказалась его чудесным завершением. Мистер и миссис Ирвинг сейчас, должно быть, уже на берегу Тихого океана.

— Мне кажется, они уехали так давно, что за это время могли объехать вокруг света, — вздохнула Аня. — Просто не верится, что со дня их отъезда прошла всего неделя... Сколько перемен! Все изменилось. Мистер и миссис Аллан тоже уехали. Как уныло выглядит теперь дом священника с закрытыми ставнями! Вчера вечером я проходила мимо него, и у меня возникло такое чувство, будто все, кто жил в нем, умерли.

— Никогда больше не будет у нас такого хорошего священника, как мистер Аллан, — заявила Диана с мрачной уверенностью. — Я думаю, что в эту зиму мы будем слушать всякого рода временных заместителей, а каждое второе воскресенье проповеди вообще не будет... Вы с Гилбертом тоже уедете — здесь будет ужасно скучно.

— Здесь будет Фред, — напомнила Аня вкрадчиво.

— Когда миссис Линд собирается переехать в Зеленые Мезонины? — спросила Диана так, словно не слышала Аниного замечания.

— Завтра. Я рада, что она переезжает к нам... Но это будет еще одна перемена. Вчера мы с Мариллой вынесли все вещи из комнаты для гостей. И знаешь, мне было так неприятно. Глупо, конечно, но мне казалось, будто мы совершаем святотатство. Эта комната всегда была для меня чем-то вроде храма. В детстве я считала ее самой чудесной на свете. Помнишь, как горячо я желала удостоиться чести провести ночь в какой-нибудь комнате для гостей? Но только не в комнате, предназначенной для гостей в Зеленых Мезонинах. О нет, в этой — никогда! Это было бы ужасно — я и глаз не сомкнула бы от благоговейного страха. Когда Марилла посылала меня туда за чем-нибудь, я никогда не могла просто пройти или пробежать по этой комнате — я шла

на цыпочках затаив дыхание, так, словно была в церкви, а выйдя оттуда, испытывала облегчение. Там, с двух сторон от зеркала, висели портреты Джорджа Уайтфилда и герцога Веллингтонского¹, и все время, пока я находилась там, они сурово смотрели на меня из-под насупленных бровей — особенно сурово, если я осмеливалась взглянуть на себя в зеркало, которое единственное в доме не искажало черты лица. Я всегда удивлялась, как у Мариллы хватает смелости убирать эту комнату... А теперь она не просто убрана, но совсем оголена. Джордж Уайтфилд и герцог Веллингтонский сосланы в маленькую переднюю на втором этаже. «Так проходит земная слава»², — заключила Аня со смехом, в котором слышалась все же и нотка сожаления. Неприятно, когда наши давние святыни осквернены, пусть даже мы уже и переросли их.

— Мне будет так одиноко, когда ты уедешь, — в сотый раз пожаловалась Диана. — Подумать только! Ты уезжаешь уже на следующей неделе!

— Но сейчас мы все еще вместе, — отозвалась Аня бодро, — и не должны позволить печалям следующей недели отравить нам радость этой. Мне самой неприятна мысль об отъезде: Зеленые Мезонины и я — такие хорошие друзья. И ты еще жалуешься, что тебе будет одиноко! Это мне надо охать и стонать. Ты остаешься здесь, где столько старых друзей — и Фред! А я буду одна среди чужих, там, где не знаю ни души!

— Кроме Гилберта и... Чарли Слоана, — вставила Диана, копируя Анину интонацию и лукавую мину.

— Присутствие Чарли Слоана, конечно, будет для меня большим утешением, — с глубочайшей иронией в голосе согласилась Аня, после чего обе эти безответственные девицы весело рассмеялись. Диана отлично знала, что думает Аня о Чарли Слоане, но,

¹ Джордж Уайтфилд (1714–1770) — английский евангелист; его проповеди в североамериканских колониях Великобритании собирали огромные толпы слушателей. Герцог Веллингтонский (1769–1852) — английский генерал и государственный деятель.

² Фраза, с которой обращаются к будущему Папе Римскому во время возведения его в этот сан, сжигая при этом перед ним кусок ткани в знак признания тщеты земного могущества.

несмотря на множество доверительных бесед, для нее оставалось тайной, что думает Аня о Гилберте Блайте. Впрочем, она и сама этого не знала.

— Мальчики, насколько мне известно, будут жить на другом конце Кингспорта, — продолжила Аня. — Конечно, я рада, что еду в университет, и уверена, что пройдет немного времени — и я люблю этот новый городок. Но в первые недели, я знаю, он не будет вызывать у меня приятных чувств. Когда я была в учительской семинарии, каждую неделю могла возвращаться домой на выходные, а теперь и этого утешения у меня не будет. А до Рождества, кажется, еще тысяча лет.

— Все меняется... или скоро изменится, — сказала Диана печально. — У меня такое чувство, что больше никогда ничто не будет по-прежнему.

— Да, наши пути расходятся, — произнесла Аня задумчиво. — Это неизбежно. Как тебе кажется, Диана, действительно ли быть взрослыми так приятно, как мы это воображали в детстве?

— Не знаю... Есть в этом кое-что приятное, — ответила Диана, — снова лаская свое колючко с той легкой улыбкой, которая всегда неожиданно вызывала у Ани ощущение собственной заброшенности и неопытности. — Но есть в этом и много такого, что озадачивает меня. Иногда мне словно страшно быть взрослой — и тогда я все готова отдать, лишь бы снова стать маленькой девочкой.

— Думаю, что со временем мы привыкнем быть взрослыми, — весело заявила Аня. — Постепенно в этом новом положении перестанет быть так много неожиданного для нас... хотя мне все же кажется, что именно неожиданности придают жизни аромат и прелесть. Сейчас нам по восемнадцать, еще через два года будет двадцать. Когда мне было десять, я считала, что двадцать лет — это цветущая и бодрая, но все же старость. Очень скоро ты превратишься в степенную матрону средних лет, а я в милую старую деву — тетюшку Анну, которая будет иногда приезжать в гости. У тебя ведь всегда найдется уголок для меня, правда, Ди, дорогая? Не комната для гостей, конечно, — старые девы никогда не претендуют на комнату для гостей, — и я буду не менее смиренной,

чем Урия Гип¹, и охотно удовольствуюсь маленькой верандой или закутком возле гостиной.

— Какие глупости! — засмеялась Диана. — Ты выйдешь замуж за кого-нибудь важного, красивого и богатого — и ни одна комната для гостей во всей Авонлее не будет достаточно роскошной для тебя. И ты будешь задирать нос перед всеми друзьями юности.

— Это было бы достойно сожаления; мой нос совсем не плох, но боюсь, если начать его задирать, это ему повредит, — сказала Аня, поглаживая этот изящный орган обоняния. — У меня не так много красивых черт лица, чтобы я могла позволить себе испортить те, что есть. Так что, Диана, обещаю тебе, что, даже если я выйду замуж за короля Больших Людоедских Островов, перед тобой нос задирать не буду.

И с веселым смехом девочки расстались: Диана направилась в сторону Садового Склона, а Аня на почту. Там ее ждало письмо, и, когда на обратном пути Гилберт Блайт нагнал ее на мосту через Озеро Сверкающих Вод, она сияла от радости.

— Присилла Грант тоже едет в Редмондский университет! — воскликнула она. — Замечательно, правда? Я очень надеялась, что она поедет, но сама она боялась, что ее отец на это не согласится. Однако он все же позволил ей поехать, и мы будем жить вместе! Теперь я чувствую, что могла бы выступить навстречу целой армии с развернутыми знаменами или грозной фаланге всех редмондских профессоров, ведь рядом со мной будет такой друг, как Присилла.

— Я думаю, нам понравится Кингспорт, — сказал Гилберт. — Это уютный старинный городок, как мне говорили, и там чудеснейший на свете природный парк. Я слышал, что местность там величественная и живописная.

— Неужели там будет... неужели там может быть... красивее, чем здесь? — пробормотала Аня, глядя вокруг влюбленными, восхищенными глазами — глазами того, для кого родной дом

¹ Урия Гип — персонаж романа «Дэвид Копперфилд» Ч. Диккенса — ханжа и лицемер, не перестававший повторять, что он человек маленький и смиренный.

всегда остается прелестнейшим местом на свете, и не важно, какие сказочные земли, быть может, лежат где-то там, под чужими звездами.

Наслаждаясь очарованием сумерек, Аня и Гилберт стояли над старым прудом, опершись о перила моста, как раз в том месте, где Аня выбралась на сваю из тонущей плоскодонки в тот день, когда Элейн плыла в Камелот. Небо на западе все еще было окрашено нежным багрянцем заката, но луна уже поднималась над горизонтом, и в ее призрачном свете вода казалась серебряной. Воспоминания наводили свои сладкие и нежные чары на двух юных существ на мосту.

— Ты так молчалива, — сказал наконец Гилберт.

— Я боюсь говорить или двигаться из страха, что вся эта чудная красота исчезнет вместе с нарушенной тишиной, — шепнула Аня.

Неожиданно Гилберт положил ладонь на тонкую белую руку, лежавшую на перилах моста.

Его карие глаза вдруг стали темнее, его все еще мальчишеские губы приоткрылись, чтобы произнести слова о мечте и надежде, заставлявших трепетать его душу. Но Аня отдернула руку и быстро отвернулась. Чары сумерек были рассеяны для нее.

— Мне пора домой, — бросила она с несколько преувеличенной небрежностью. — У Мариллы сегодня болела голова, а близнецы, боюсь, уже задумали очередную ужасную проказу. Мне, разумеется, не следовало уходить так надолго.

Она продолжала говорить без умолку и не очень последовательно, пока они не дошли до тропинки, ведущей к Зеленым Мезонинам. Бедный Гилберт едва мог вставить словечко в этот поток речей. Когда они простились, Аня вздохнула с облегчением. В том, что касалось Гилберта, в душе ее было какое-то новое, тайное чувство неловкости, возникшее в быстротечный миг откровения в саду Приюта Эха. Что-то чуждое вторглось в старую добрую дружбу — что-то, угрожавшее испортить ее.

«Прежде мне никогда не было радостно видеть, что Гилберт уходит, — думала она с обидой и грустью, шагая одна по тропинке. — Наша дружба пострадает, если он не прекратит эти глупости.

А она не должна пострадать — я этого не допущу. Ах, ну почему мальчики не могут вести себя благоразумно!»

Аню тревожило сознание того, что с ее стороны тоже не вполне благоразумно все еще ощущать на своей руке тепло прикосновения руки Гилберта так же ясно, как она ощутила его в то короткое мгновение на мосту, и еще менее благоразумно то, что это ощущение было отнюдь не тягостным, совсем не таким, какое вызвало у нее за три дня до этого подобное проявление чувств со стороны Чарли Слоана, когда она не танцевала и сидела рядом с ним во время вечеринки в Уайт Сендс. Аня содрогнулась при этом неприятном воспоминании. Но все мысли о проблемах, связанных с безрассудными обожателями, мгновенно вылетели у нее из головы, стоило лишь ей оказаться в уютной, несентиментальной атмосфере кухни Зеленых Мезонинов, где, сидя на диване, горько плакал восьмилетний мальчик.

— Что случилось, Дэви? — спросила Аня, обняв его. — Где Марилла и Дора?

— Марилла укладывает Дору в постель, — всхлипывая, сообщил Дэви, — а я плачу потому, что Дора полетела с лестницы в погреб, прямо вверх тормашками, и ободрала нос, и...

— Не плачь, дорогой. Я понимаю, тебе жаль ее, но слезами горю не поможешь. Уже завтра она поправится. А слезы никому не могут помочь и...

— Я плачу не из-за того, что Дора упала в погреб, — с растущей горечью заявил Дэви, обрывая Анины благожелательные наставления. — Я плачу потому, что не видел, как она свалилась. Вечно-то я пропускаю все самое интересное.

— О, Дэви! — Аня подавила предосудительное желание расхохотаться. — Ты называешь это интересным — увидеть, как бедняжка Дора упала с лестницы и ушиблась?

— Да она не очень здорово ушиблась, — возразил Дэви. — Вот если бы насмерть, то я, конечно, по-настоящему огорчился бы. Но нас, Китов, так запросто не убьешь. Я думаю, Киты не хуже Блеветтов. В прошлую среду Херб Блеветт упал с сено-

вала и скатился по настилу прямо в стойло к страшно дикой, злой лошади — прямо ей под копыта. И ничего — жив остался, только три кости сломаны. Миссис Линд говорит, что есть люди, которых невозможно убить даже топором. Аня, миссис Линд переезжает к нам завтра?

— Да, Дэви, и я надеюсь, что ты всегда будешь приветливым и добрым по отношению к ней.

— Я буду приветливым и добрым. Но, Аня, неужели она будет укладывать меня спать по вечерам?

— Может быть. А что?

— Просто если она будет класть меня спать, — сказал Дэви очень твердо, — я не буду читать при ней молитву, как делал это при тебе.

— Почему?

— Потому что, я думаю, нехорошо разговаривать с Богом в присутствии посторонних. Дора, если хочет, может читать молитву при ней, а я не буду. Я подожду, пока она уйдет, а уж тогда и прочитаю. Ведь так можно?

— Да, Дэви, если ты уверен, что не будешь забывать помолиться.

— Нет, я никогда не забуду, уж будь уверена! Я думаю, что читать молитву потрясающе интересно. Но, конечно, читать ее одному будет не так интересно, как при тебе. Хорошо бы ты осталась дома, Аня. Почему ты хочешь уехать и бросить нас?

— Не то чтобы я хотела этого, Дэви, я просто чувствую, что мне следует поехать в университет.

— Если тебе не хочется ехать, так и не едь. Ты ведь взрослая. Вот когда я стану взрослым, никогда не буду делать ничего такого, чего мне не хочется.

— Всю жизнь, Дэви, ты будешь замечать, что делаешь много такого, чего тебе совсем не хочется делать.

— Я этого делать не буду, — категорично заявил Дэви. — Чтоб я стал это делать! Никогда! Сейчас мне приходится делать то, чего я не хочу, потому что вы с Мариллой отправляете меня в постель, если я этого не делаю. Но когда я вырасту, вы не сможете

отправлять меня в постель и никто не будет мне указывать, что делать, а чего не делать. Вот будет времечко!.. Слушай, Аня, Милти Бултер говорит, что его мать говорит, что ты едешь в университет, чтобы подцепить там себе мужа. Это правда, Аня? Я хочу знать.

На секунду Аня вспыхнула от негодования, но тут же рассмеялась, напомнив себе, что глупо огорчаться из-за пошлости мыслей и грубости речей миссис Бултер.

— Нет, Дэви, это неправда. Я еду, чтобы повзрослеть, многому научиться и о многом узнать.

— О чем узнать?

— «О ложках, лодках, сургуче, капусте, королях...»¹ — процитировала Аня.

— Но если бы ты все-таки хотела подцепить себе мужа, как бы ты за это взялась? Я хочу знать, — настаивал Дэви, очевидно находивший в этой теме какое-то очарование.

— Об этом тебе лучше спросить у миссис Бултер, — ответила Аня, не подумав. — Она, вероятно, лучше, чем я, знает, как это делается.

— Ладно, спрошу, как только ее увижу, — сказал Дэви серьезно.

— Дэви! Что ты говоришь! — воскликнула Аня, осознав свою ошибку.

— Но ты только что сама велела мне это сделать, — с огорчением возразил Дэви.

— Тебе пора в постель, — постановила Аня в попытке выкрутиться из неприятного положения.

После того как Дэви улегся, Аня вышла на прогулку. Она дошла до Острова Виктории и села там в одиночестве, скрывшись за тонким занавесом, сотканным из полумрака и лунных лучей, а вокруг нее смеялась вода и сливались в дуэте ветер и ручей. Аня всегда любила этот ручей. Немало грез сплела она над его сверкающими водами в былые дни. И теперь, сидя там, она забыла и о страдающих от безнадёжной любви поклонниках, и о колких ре-

¹ Цитата из сказочной повести «Алиса в Зазеркалье» английского писателя Льюиса Кэрролла (1832–1898).

чах злых соседок, и обо всех иных трудностях своего девичьего существования. В воображении она плыла под парусами по сказочным морям, что омывают далекие сверкающие берега забытых волшебных стран, мимо потерянной Атлантиды и Элизия¹ к земле Сокровенных Желаний Сердца, и кормчим на ее корабле была вечерняя звезда. И в этих мечтах Аня была куда богаче, чем в реальности, ибо то, что зримо, проходит и исчезает, но то, что незримо, живет вечно.

¹ Атлантида — легендарный, некогда затонувший материк. Элизий — в греческой мифологии загробный мир блаженства, Елисейские поля.

Глава 2

ВЕНКИ ОСЕНИ

Дни следующей недели пролетали быстро и незаметно, заполненные бесчисленными «последними делами», как называла их Аня. Прощальные визиты — как Анины в дома соседей, так и визиты знакомых в Зеленые Мезонины — оказались приятными или наоборот, в зависимости от того, относились ли посетители (или посещаемые) к Аниным стремлениям благожелательно или считали, что она слишком задается по причине своего отъезда в университет и что их долг «сбить с нее спесь».

Общество Содействия Развитию Авонлеи дало прощальный вечер в честь Ани и Гилберта в доме Джози Пай, выбрав это помещение отчасти потому, что дом мистера Пая был просторным и удобным, отчасти по причине сильных подозрений, что девочки Паев не пожелают принять никакого участия во всей этой затее, если их предложение собраться у них в доме не будет принято. Вечер оказался очень приятным, так как девочки Паев, вопреки обыкновению, были внимательны и любезны и не сказали и не сде-

лали ничего такого, что могло бы нарушить мир и согласие среди присутствующих. Джози была необычно приветлива — настолько, что даже снисходительно заметила:

— Это новое платье, пожалуй, идет тебе, Аня. Право же, ты кажешься в нем почти хорошенькой.

— Как это любезно с твоей стороны, — ответила Аня с лукавым блеском в глазах. Ее чувство юмора продолжало развиваться, и слова, которые обидели бы ее в четырнадцать, теперь могли лишь позабавить.

У Джози зародились подозрения, что за этим плутовским взглядом кроется насмешка — Аня просто смеется над ней, — но Джози ограничилась лишь тем, что шепнула Герти, когда они спустились вниз: «Теперь, когда Аня Ширли едет в университет, она будет напускать на себя еще больше важности, чем прежде, — вот увидишь!»

Вся «старая компания» присутствовала на этом вечере, полная веселья, юношеского задора и юношеской беспечности: Диана Барри, розовая и пухленькая, за которой как тень следовал верный Фред; Джейн Эндрюс, аккуратная, здравомыслящая и прямодушная; Руби Джиллис, которая, казалось, никогда не выглядела красивее и ярче, чем в этот день, в кремовой шелковой блузке и с красной геранью в золотистых волосах; Гилберт Блайт и Чарли Слоан, старающиеся держаться как можно ближе к ускользающей от них Ане; Кэрри Слоан, бледная и печальная, оттого что, как говорили, ее отец запретил Оливеру Кимбелу даже появляться вблизи их дома; Муди Спурджен Макферсон, чье круглое лицо и возмутительные уши были такими же круглыми и возмутительными, как всегда, и Билли Эндрюс, который весь вечер сидел в углу, похохатывая всякий раз, когда к нему кто-нибудь обращался, и с довольной усмешкой на широком веснушчатом лице наблюдая за Аней Ширли.

Ане было заранее известно о вечере, но она не знала, что во время него ей и Гилберту, как основателям Общества, будут вручены поздравительный адрес и памятные подарки: томик пьес Шекспира — ей и авторучка — Гилберту. Это было так неожиданно, и она была так польщена похвалами, содержащимися в адресе,

который прочел вслух самым торжественным и пасторским тоном Муди Спурджен, что ее большие серые глаза затуманились слезами. Она усердно и добросовестно трудилась в Обществе Друзей Авонлеи, и то, что члены Общества так высоко оценили ее старания, радовало и согревало душу. И все они были так любезны, дружелюбны и милы — даже девочки Паев имели свои достоинства... В этот момент Аня любила весь мир.

Вечер доставил ей огромное удовольствие, но завершение его испортило почти все приятное впечатление. Гилберт снова совершил ошибку, сказав ей что-то нежное, когда они ужинали на залитой лунным светом веранде, и Аня, чтобы наказать его за это, сделалась очень благосклонна к Чарли Слоану и позволила последнему проводить ее домой. Впрочем, она вскоре обнаружила, что месть никого не задевает так сильно, как того, кто к ней прибег. Гилберт с беззаботным видом отправился провожать Руби Джиллис. Они неторопливо удалялись, и в прохладном неподвижном воздухе Аня долго слышала их веселые голоса и смех. Они явно проводили время наилучшим образом, тогда как на нее наводил скуку своими бесконечными речами Чарли Слоан, который ни разу, даже случайно, не высказал ни одной мысли, заслуживавшей того, чтобы к ней прислушаться. Аня порой рассеянно отвечала «да» или «нет» и думала о том, как красива была в этот вечер Руби, какие ужасно выпученные глаза у Чарли при лунном свете — хуже даже, чем при дневном, — и что мир, пожалуй, не так уж хорош, как казалось ей совсем недавно.

«Просто я устала до смерти... вот в чем дело», — сказала она себе, когда с радостью обнаружила, что уже находится одна в своей комнатке. И она искренне верила, что все дело именно в этом.

Но на следующий вечер радость забила в ее сердце струей, словно из какого-то неведомого тайного источника, когда она увидела Гилберта, вышедшего из Леса Призраков и шагающего по старому бревенчатому мостику своей обычной, быстрой и уверенной походкой. Значит, Гилберт все-таки не собирался провести этот последний вечер с Руби!

— У тебя усталый вид, Аня, — заметил он.